ОКНО В ЕВРОПУ

**ПОСТМОДЕРНИЗМ
С ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ
ЛИЦОМ**

Золотой лев — символ Венеции и он же главный приз проходящего здесь кинофестиваля — только раз за всю историю достался нашему соотечественнику. То был Андрей Тарковский со своим первым фильмом «Иваново детство». Теперь, почти 30 лет спустя, обладателем венецианского «золота» стал Никита Михалков.

Он уже давно прорубил окно в Европу и, по утверждению кинопрессы, вписался в европейскую культуру так же легко, как в свое время Тургенев. Его имя известно на Западе почти так же, как у нас, но его имидж здесь и там различен. Отбросим популярность артиста и телеперсонажа, оставим сущность этой противоречивой репутации. «Свой среди чужих» — так со смешанным чувством характеризуют его на родине оппоненты, недоговаривая вторую часть формулы — «чужой среди своих», а вся формула целиком подсказана самим режиссером, вошедшим с ней в кинематограф. На самом деле Михалкова ценят за рубежом как раз потому, что он без занудства и с видимой увлеченностью культивирует чуждый и пленительный миф о русской душе.

В новом фильме «Урга» этот миф, материализованный в герое Владимира Гостюхина, внешне мало изменяется. Железный зуб, испещренная татуировками спина, косноязычная убогая речь — дежурные знаки народного монстра и страдальца, хотя и заброшенного судьбой в пограничный район Китая, где он работает по контракту за «зеленые». В какой-то момент этот «Иван, не помнящий родства», вдруг пронзенный мыслью о сильных и мужественных предках, взойдет на сверкающую эстраду, растолкает рокеров-китайцев и споет ностальгический вальс «На сопках Маньчжурии». Да так, что брызнут слезы.

Михалков не стесняется открытых чувств и даже их грубого перебора. Он опробовал сентиментальность как принцип в «Очах черных». Ее ничуть не меньше в «Урге», разница и преимущество в том, что здесь ей найден противовес в образе жизни еще более экзотичной для европейца, чем российская. У монгола Гомбо и история, и география, и быт, и способ выражения чувств иные. Он вольный сын степей, потомок Чингисхана, несущий дух предков не в общепринятой «Память», а в собственных генах. Еще один миф? И долго ли он протянет перед стучащимся в дверь прогрессом, который несет с собой дым фабричных труб, японский телеящик да пачку презервативов, чтобы любовь не веда к деторождению.

Дерек. известия. — 1991. — 29 сент. (21 30). — с. 14.

Рассказанный в словах или на уровне сюжета, этот фильм обнаружит и примитивность, и претенциозность. Увиденный на экране (не на видео!), он откроет весьма современный способ общения с миром посредством тасовки всех возможных мифологий, культурных стереотипов и клише. Такой способ гурманы, перепробовавшие все, называют постмодернизмом. Этого блюда на венецианском фестивальном пиршестве было хоть отбавляй. Помимо Годара, Херцога и Гильяма, зрителей потчевали двумя изделиями британской кухни, выполненными по рецептам елизаветинской драмы, но с островременными добавками.

В «Книгах Просперо» Питер Гринуэй использует не столько сюжет, сколько историческую фактуру шекспировской «Бури», извлекая из нее такую массу визуальных и звуковых эффектов, что к концу перестает вообще что-либо ощущать. Дерек Джармен, экранизируя «Эдуарда II» Кристофера Марло, живописует тотальную кроваво-эротическую оргию, где слышен запах мяса, хруст костей и томление плоти.

Гринуэй с его манией выстраивать до тошноты подробные каталоги всего сущего, нанизывая друг на друга числа, порядки, времена, оказался слишком интеллектуальным и высокомерным, чтобы отдаться ему наивной зрительской душой. Джармен, напротив, отпугнул своей агрессивной разрушительной чувственностью.

Не потому ли пресса, поддерживая решение жюри, охарактеризовала Михалкова как «корифея классического жанра, преданно и талантливо следующего своему амплу». Да так преданно, что никакой постмодернизм не нужен. Еще раньше его называли «представителем классической русской культуры со свойственным ей консерватизмом».

Так и не так. По-моему, «Урга» — это и есть чистой воды постмодернизм, если он, конечно, существует. И отличается он в данном случае только лишь более человеческим лицом.

Андрей ПЛАХОВ.